

«В едином порыве».
Сайнорма (война) в ненецкой литературе

Жулева А.С.¹

Аннотация. Текст посвящен автобиографизму в творчестве ненецких поэтов и прозаиков В.Н. Ледкова и Л.В. Лапцуя. Их детство было суровым, омрачено годами Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. В своих произведениях, написанных на ненецком языке, авторы, опираясь на воспоминания, художественно представляют картины военной жизни в Большеземельской тундре и на Ямале.

Ключевые слова: автобиографизм, сайнорма (война), добровольцы, защитники, трудовой подвиг, военное детство, суровые испытания, вера в победу, Великая Отечественная война.

“In a single rush”.
Saynorma (war) in the Nenets literature

Zhuleva A.S.¹

Abstract. The text is dedicated to autobiography in the works of Nenets poets and prose writers V.N. Ledkov and L.V. Lapsuy. Their childhood was severe, overshadowed by the years of the Great Patriotic War of 1941-1945. In their works written in the Nenets language, the authors, drawing on the memories, artistically present pictures of military life in the Bolshezemelskaya tundra and on the Yamal Peninsula.

Keywords: autobiography, saynorma (war), volunteers, defenders, labor feat, military childhood, severe trials, faith in victory, the Great Patriotic War.

¹*Жулева Альбина Сергеевна, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН. ул. Поварская, 25а, 121069, г. Москва, Российская Федерация.*

Zhuleva Al'bina Sergeevna. Candidate of Science (Pedagogical), Senior Researcher of Institute of World Literature

*named after A.M. Gorky of the Russian Academy of Sciences.
Povarskaia str., 25a, 121069, Moscow, Russian Federation.*

E-mail: aswjas08@rambler.ru

© **А.С. Жулева**

Ратный и трудовой подвиги народов Севера в борьбе с фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны в 1941-1945 гг. вписан в историю страны и нашел свое отражение в художественной литературе. С первых военных дней ответом на вероломное нападение было желание северян стать в единый ряд: защитников.

«Бескрайняя тундра –

В едином порыве

Со всю страну

Взялась за ружье»-

так метафорично и в соответствии с действительностью описал ситуацию в Большеземельской тундре [1] ненецкий поэт Василий Ледков [2] в своем раннем стихотворении «Я вышел из чума» (перевод с ненецкого языка на русский В. Бояринова). В написанном по воспоминаниям о детских годах стихотворении автор представляет читателю и «цинготные сны», и холод и отсутствие в чуме родителей, сражавшихся против врагов на боевом и трудовом фронтах. Сама Наргинен – природа в стихотворении будто наполнена знаками войны. Маленький герой стихотворения, одиноко сутками ожидавший возвращения с охоты или с оленьего пастбища родителей, вышел в нетерпении из чума поздней ночью и увидел окружающий мир в кроваво-красном цвете войны. «Взглянула луна / На сонный покой / Окровавленным оком, / И красными стали / И небо, и снег; / И ряской подернулся чум розоватый.» Усиливают тяжесть состояния героя, трагизм ситуации слова поэта: «О чем призадумался, / Мил человек, / И плачешь о чем, / Без вины виноватый?»

Свои первые впечатления о начавшейся войне Ледков рассказывает читателю в автобиографической повести «Розовое утро». Ярким и безоблачным, «розовым» было утро каждого дня семилетнего героя повести Василя до прихода Сайнормы, так по-ненецки звучит слово «война». В день получения известия о войне слово «Сайнорма» стало для мальчика энергетической сущностью, приводящей в оцепенение

и вызывающей страх. Ледков глазами героя образно представляет картину получения страшного известия. В разгар семужьей путины неожиданно в поселок возвращается с рыбалки отец мальчика. Удивленные возвращением радуются мать и бабушка, а также Василь и его маленький брат. Но взволнованный отец с такой тревогой и несвойственным ему волнением, помолчав, произносит «Сайнорма», что каменеют только что улыбавшиеся лица женщин, а у незнающего значения этого слова героя «пошел по телу холод». И он долго ощущал его вместе с каким-то страхом в последующем. Но автор, дискурсивно выступающий в роли историка своего народа, разъясняет читателю, что состояние некоторой растерянности и испуга у взрослых быстро сменились единением и желанием бороться с пянгуями (врагами). Это единение Ледков подчеркивает метафорически: «Даже чумы, стоявшие где попало подле поселка, сгрудились в два-три дня на сухой, каменистой почве берега — так обычно сбивается вместе оленье стадо с появлением волков...» Главный герой повести Василь рассказывает, что оленеводы Большеземельской тундры возвращались с пастбищ в поселок Пе-Яха, чтобы отправиться на фронт, а их место на пастбищах оленей стали занимать женщины и дети: «Потекли отовсюду к домам оленье упряжки. Людей стало много, как оленей в большом стаде. Упряжки уводили обратно в тундру женщины и дети». Став прототипом героя повести «Розовое утро», писатель комментирует происходившее в годы войны то от имени мальчика Василя, то от собственного имени, от автора.

Высоко может быть оценено и всеми последующими поколениями это активное прибытие оленеводов на призывной пункт потому, что оно было добровольным. В принятом в 1939 году «Законе о всеобщей воинской обязанности» в отношении малочисленных коренных народностей Севера для их сохранения были сделаны исключения о призыве их на военную службу [3].

Маленького героя повести «Розовое утро» волновало то, что три раза его отец ходил в большой дом, чтобы отправиться воевать и возвращался очень обиженным, поскольку из-за глухоты его, сильного, энергичного, знаменитого на всю тундру охотника, отличного стрелка, не брали на войну. Он наблюдал, как мужчины уходили на войну через каждые три-четыре дня. Удивлялся: «У меня и в уме не укладывалось: уехали, кажется,

уже все, больше некому — но откуда ещё берется народ?! Упряжки в Пэ-Яха летели отовсюду каждый день. Им, казалось, не будет конца. И всё же, когда солнце ночами начало касаться спины моря, в тундре и поселке стало тихо».

Ледков испытал в детские годы всю тяжесть и страх военных лет. Его мать и отец, которого не взяли на фронт из-за глухоты, чему он был очень огорчен, отдавала все силы на трудовом фронте.

Повесть Василия Ледкова «Розовое утро» - яркое свидетельство рождения элементов психологического анализа автором человеческих чувств, возможностей подняться над собой и посмотреть на себя со стороны, преодолевая непосредственную объективность. Бессознательно-художественное сознание автора стремится соединить реальность и вымысел, выстраивает вымысел не прямолинейно, а аллегорически, чтобы читатель сам мог расшифровать правду жизни и действительность вымысла, который и есть поэтическая действительность и собственная сфера деятельности художественного сознания. Выстраивая постепенно сюжет автобиографической повести «Розовое утро», Ледков материализует схему постепенно развивавшихся отношений у героя с отцом, с другими членами семьи, с другом. Именно они формируют характер героя, обогащают его внутренний мир, укрепляют его тело, душу и волю. Остроумный, в меру занимательный сюжет, выросший из реальной действительности и художественного вымысла, раскрывает национальную специфику бытия народа и становления характера, личности героя. Автор постепенно знакомит читателя с тяжелым жизненным периодом жизни в Большеземельской тундре – годами Великой Отечественной Войны, с большим вкладом северян в дело Победы над фашизмом.

Вспоминая детство, заполненное трудом вместе с взрослыми, Ледков в повести называет его овеванным неведомым ветром по имени «Сайнорма!» — поскольку повсюду слышалось оно, и все делалось для фронта и для победы. Это был подвиг всего поколения от мала до велика. Участвовавшие в битве на трудовом фронте дети лишились радостного детства. Не случайно автор пишет: «Иногда мне кажется, что детство моё было всего лишь одним днем — таким оно коротким кажется. Да, прерванное войной, оно и было коротким».

О том, что пастухи-оленоводы Беломорья с первых дней отправились защищать страну от захватчиков, где были ловкими и меткими стрелками, Василий Ледков писал и в романе «Люди Большой Медведицы». «Все для фронта!»- этот лозунг принимался искренне и ответственно. В первые же дни войны с берегов Печоры отправились на Запад «оленьи-лыжные батальоны» с мясом, рыбой, мехом.

Житейский опыт позволил автору создать картины приближенного к достоверности и вместе с тем художественного представления о военных годах. Не выдержала тяжести и голода мать Василия Ледкова, ушла в иной мир, и он остался на попечении отца. В романе «Люди Большой Медведицы» Ледков описывает непосильный женский труд. «Словно почуяв, что в стадах не осталось мужчин, начали бесчинствовать волки. Хищники разгоняли оленей, травили животных почти безнаказанно. Пастушили тогда старики, женщины и подростки. Охраняя оленей от наглых хищников, люди выбивались из сил».

Женщины с упорством осваивали необычный для себя труд. «К удивлению всего округа, ненецкие женщины, не видевшие ранее ни рыбацкой лодки, ни крутой волны, сезонное задание свое перекрывали вдвое». Занимались женщины и подледным ловом рыбы и морских зверей», - пишет автор.

В стихах Василия Ледкова не раз звучала тема человеческих страданий в годы суровой войны. Его память постоянно возвращала его в детство. Так, в «Письме другу», наполненном размышлениями о былом, он видит те годы, когда не самый хлеб, а запах хлеба «Голодным детям снился по ночам», когда в холодном чуме «цинга дышала смрадным ртом», и дети погибали. Страдания и голод военный не проходили даром, болезни преследовали, многие не выжили.

Пусть вражеские пушки не стреляли
В друзей и одноклассников моих,
Но за войну из них десятки стали
Крестами в изголовьях могил»
(В. Ледков «Письмо другу», Пер. М. Борисовой)

Откуда появились вражеские пушки? Об этом прозаик Василий Ледков писал в романе «Люди Большой Медведицы»: «Вражеские суда уже бороздили Баренцево море. У побережья не раз всплывали подводные лодки с крестами на боках.

Мелководье не пускало врагов на берег, к устью реки Пэ-Яха». Но страшные взрывы в море гремели, и орудия нередко выбрасывало на берег. Из них и были сделаны кресты на могилах детей.

Переменяя прозу и поэзию, как это было свойственно издревле ненецким певцам и сказителям, Ледков представляет отношение героя к родному краю, его специфическое видение тундры глазами кочевника, ассоциируемое с простором и оленями:

Военное детство
Умчалось чуть свет
На нарте скрипучей
Метелям вослед...

О том, как страдали от болезней, полученных в голодные военные годы дети, особенно сироты, отцы которых погибли в боях, Ледков рассказывает в повести «Начало большого дня», действие в которой связано с наступлением мирной жизни и с приходом первых послевоенных весны и лета. Главный герой этой повести, подросший за годы войны Василей, захвачен идеей помочь своему другу Ёнко, который заболел цингой из-за голода военного времени, стал медленно выздоравливать с приходом победной весны, но болезнь отняла его силы. Ёнко - сирота, его мать умерла, а отец не вернулся с фронта. Василей просит отца взять друга в оленеводческое стойбище. Василей сочувствует другу, его пугает отрешенный взгляд Ёнко, он проникается его страданиями, вспомнив о собственном состоянии слабости и беспомощности, когда он болел цингой в годы войны. Убедив всех и приехав вместе с Ёнко в тундру, еще долго слышит Василь сопровождавшие его торжествующие голоса взрослых «Ура-а! Победа! Наша победа! Война кончилась!» И то ли герою, то ли автору принадлежит размышление: «Эти слова на просторе, в стороне от людей, теперь, как наяву, звучали во мне самом и врывались в меня из чрева земли».

Василий Ледков в зачине-завязке повести «Начало большого дня» поделился с читателем, как он восстанавливал свои детские воспоминания и попытался определить границу между реальностью и творческой фантазией. Ситуация встречи автора с самим собой, со своим «я», открывает сущностный аспект идентичности, он видит себя как другого среди

соотечественников. В качестве образца он избрал отца, который взял на себя все заботы после смерти матери. Нельзя сказать, что между отцом и сыном существовали открытые исповедальные отношения. Но отец постоянно выступал его жизненным наставником, советчиком, укрепляя в решениях и предостерегая от опрометчивых поступков, рассеивал его сомнения и недоумения. Психологические портреты героев – отца и сына, коллизии, возникающие в их внутренней жизни, воспроизведены в хронике (сюжете) повести выразительно и рельефно. Так, чтобы убедить мальчиков в неприменном выздоровлении сироты, когда тот, с трудом дыша, жадно хватал ртом воздух, отец Василия, отбрасывая окровавленные снежки, вспоминал легенду о цинге: «Вот-вот! Так ей! Так – призрачной красавице! Соблазнительнице. Теперь ей не будет от нас покоя». Автор уточняет, что отец приносил эти слова вполне серьезно, будто тоже верил в существование этой загадочной женщины, в облике которой ходит цинга и которая наверняка присутствовала где-то рядом. Ледков, используя иронию, опираясь на особенности детского мышления, склонного порой к критике поведения взрослых, завуалированно представляет существовавшую веру ненцев в легенды о духах, особенно у старшего поколения. Он передает читателю свое этническое знание с осторожностью, поскольку поверья были осуждаемы новыми порядками. Но они, эти легенды и сказки, подчас были психологической поддержкой, помогали выстоять в годы военного лихолетья, бороться с невзгодами послевоенного сложного времени.

Среди участников Великой Отечественной Войны был, ушедший на фронт добровольно, дядя Василия Ледкова по линии матери Антон Пырерка. О нем писатель не раз вспоминал в своих произведениях.

В первой автобиографической повести «Синева в аркане» автор-герой или герой-автор, в роли которого выступает Ледков, рассказывая приехавшей из Ленинграда фольклористке о своем роде, не раз возвращается к своему дяде, Антону Пырерке. Он гордится тем, что тот был первым ученым-лингвистом, работал в Академии наук. Сожалеет, что мало его видел. В начале войны Антон Петрович погиб под Ленинградом. – с горечью сообщил он приезжей девушке. В повести «Розовое утро», вспоминая день начала войны маленький герой Василь поделился с читателем, как его тревожили слезы матери,

которая, услышав слово «сайнорма» стала неожиданно волноваться за какого-то Сирати, которого она называла то Сирати, то Антоном. И он жил в городе Двух Камней, так ненцы называли Ленинград. Это был ее племянник Антон Пырерка, учившийся в аспирантуре.

Первый ненецкий учёный-лингвист, переводчик, фольклорист, литератор, участвовавший в основании Ненецкого национального округа Пырерка Антон Петрович (1905-1941 гг.) участвовал в создании ненецкой письменности и первых учебников для ненецких школ. Он написал автобиографическую повесть «Младший сын Вэдо»), которая получила в 1940 г. вторую премию в конкурсе на лучшее литературное произведение на языках народов Крайнего Севера.

К 1941 году Антон Петрович закончил диссертацию «Фольклор как исторический источник» - исследование эпических песен сюдбабц и ярабц. Приложением к ней были собранные им песни – самое полное собрание из существующих на тот период времени. Он не успел защититься – началась война. 5 июля 1941 года Антон Петрович ушел на фронт рядовым бойцом 10-й стрелковой дивизии. Осенью 1941 года, защищая Ленинград, погиб в рядах народного ополчения в районе Стрельны. Он посмертно награжден памятным знаком «Народное ополчение Ленинграда» (1971). К великому огорчению, во время блокады Ленинграда погибли все его рукописи.

В Нарьян-Маре Ненецкого АО, согласно материалам, размещенным в интернете, имя Антона Петровича Пырерки носят улица и Ненецкая школа-интернат, на фасаде которой размещена мемориальная доска ученому. А.П. Пырерка – в списках ученых, не вернувшихся с Великой Отечественной войны, на мраморной мемориальной доске в Институте лингвистических исследований РАН в Санкт-Петербурге.

Всматриваясь в прошлое, вспоминая его, ямальский поэт Леонид Лапцуй [4] (написал ряд стихотворений о суровых испытаниях в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Они, как и поэзия и проза Василия Ледкова, автобиографичны. Лапцуй испытал на себе тяготы трудной военной поры в тылу, когда десятилетним мальчиком трудился во взрослой бригаде рыбаков, заменяя больную мать. В стихотворении «Память» (пер. А. Канькина), написанном от лица мальчика – бойца трудового фронта, - картина самоотверженной помощи ненцев

боевому фронту. Сутками напролет тяжелой пешней долбит «железный» двухметровый лед, изнемогая от усталости, голода и бессонницы десятилетний мальчишка, стараясь не отстать от взрослых:

Мы проверяли сети
И двухметровый лед
Тяжелой пешней долбили
Сутками напролет.
Кидал я, кидал бессчетно –
Минута была дорога –
Железной своей лопатой
Железные те снега.
Был я еще мальчишкой,
И сил не хватало мне,
Я падал и спотыкался,
Но снова шел наравне
Со взрослыми рыбаками.
Темнел вдали горизонт.
Нас голод терзал и холод,
Но помощи ждал фронт.
(«Память», пер. А. Бергера)

Перед глазами героя возникают суровые картины человеческих трагедий, гибели не выдержавших тяжелой нагрузки:

Вываливалась лопата
Порою из чьих-то рук,
А кто-то не смог проснуться,
Обледенев к утру.

Тема военного детства, основанная на собственном жизненном опыте, многократно в разных вариантах повторялась в творчестве Лапцуя. В стихотворении «Прошло мимо» (пер. А. Каныкина) мы вновь встречаемся с маленьким героем трудового фронта. Действие происходит в чуме. Ранним утром, сонный, угрюмый мальчик обветренными руками трет глаза, чтобы заставить себя окончательно проснуться. Озноб пробирает его, когда он представляет на своем теле поданную матерью, не успевшую просохнуть старенькую одежду, которую он называет, вероятно, словами взрослого автора, «мокрым хламом». Ему льстит, что завтракать мать и младшие братья не начинают без

него, кормильца, заменившего отца, ушедшего на фронт. Вместе с рыбаками он то гребет, то тянет сети, но не жалуется, хотя «продрог до костей», «ладони ноют болью острой / натертые до пузырей». Сны маленького героя наполнены волнениями, пережитыми во время изнуряющей недетской работы. Понимая, что виной всем его невзгодам является сайнорма – злодейская война, он и во сне предаёт её проклятию:

Вскипая, над прибрежной кромкой
Ревёт и мечется прибой.
Всю ночь, то приподнимет круто,
То в них швырнет меня волна...
И кулаком грожу кому-то:
«Будь проклята война!».
(«Прошло мимо», пер. А. Каныкина)

На всю жизнь запомнился поэту похожий на завывание ветра стон старой женщины с ввалившимися глазами и безразлично блуждающим взглядом. Умиравшая от голода протянула руку, и он, будучи сам голодным, отломил краюшку хлеба, полученного по карточкам, как бы оторвав кусочек жизни у своих ожидающих его братьев, и вложил хлеб в старческую руку (стих. «Помните!», пер. Н. Грудининой).

Возвеличивая мужество и стойкость северян, их находчивость и терпение, способность на беззаветный труд и ратный подвиг, отдавая дань памяти погибшим ямальцам, Леонид Лапцуй написал о том, как он привез на Мамаев курган родную землю – «комочек ямальской скупой мерзлоты»:

И, встав на колени, подняться не смея,
Шепчу на ненецком своем языке я:
«От Карского моря, от тудры родной
Примите поклон – материнский, земной.
От вьюжной метели, под ветром летящей,
От каждой росинки, под солнцем горящей,
От каждой травинки, растущей весной,
От каждой тропинки, ведущей домой...»
(«Слушаю тебя, Земля!», пер М. Яснова)

Проникнуты гордостью поэтические строки Л. Лапцуя о сражавшихся на фронтах земляках, которые были меткими стрелками, умелыми проводниками на северном фронте.

Историк, этнограф и археолог академик Алексей Павлович Окладников в своих многочисленных статьях и книгах писал о представителях малых народностей Севера и Дальнего Востока, что они трудолюбивые, выносливые, издревле смелые воины, готовые бороться против любого агрессора, какими бы сильными ни были его войска. Именно такими и предстают герои автобиографических произведений двух ненецких авторов

Автобиографические в своей основе представленные произведения Василия Ледкова и Леонида Лапцуйа, детство которых из-за суровых и тяжких лет «прошло мимо», - убедительное подтверждение мнения исследователя прошлого и настоящего жизни народов России.

Примечания

1. Большеземельская тундра - так называют территорию на севере европейской части России между реками Печорой и Усой (с запада и юга), а также Полярным Уралом и Пай-Хоем (с востока). Здесь расположены Ненецкий АО и Республика Коми).

2. Ледков Василий Николаевич (1933-2002) Родился в семье оленевода в Ненецком автономном округе Архангельской области. После окончания Северного отделения Ленинградского педагогического института им. А.И.Герцена работал в школе-интернате в Варандее, позднее был журналистом в газете "Няръяна вындер" и на радио в г. Нарьян-Маре. В 1962-1965 годах был слушателем Высших литературных курсов в Москве при Литературном институте им. А.М. Горького. Последние годы работал и жил в г. Архангельске. Член Союза писателей. Писал поэтические и прозаические произведения на ненецком языке. Автор ряда сборников стихов, поэм, повестей и романов.

3. Позднее, в годы войны, в советское законодательство были внесены изменения. С 1943 года стали выборочно призывать и представителей малочисленных народов Севера, которых до этого брали только добровольно.

4. Лапцуй Леонид Васильевич (1932-1982). Родился в семье потомственного оленевода в стойбище Ямбо-то, на Ямале, в Ямало-ненецком автономном округе Тюменской области. Во время учебы в Салехардском медучилище работал корреспондентом газеты «Няръяна Нгэрм», после его окончания стал редактором. Окончил отделение корреспондентов газет в ВКШ (Высшей комсомольской школе). Член Союза писателей с

1964 г. Автор более двадцати сборников стихотворений и поэм на ненецком языке, а также нескольких рассказов.